

Глава 9

В пору сельскохозяйственного затишья в деревне редко кто ел досыта. Большинство семей перешли на двухразовое питание: первый раз садились за стол около десяти утра, второй — в четыре часа пополудни. Раз в поле спину гнуть не надо, то и рацион был соответствующим — жидкая каша из сорго, вареный батат да соленья. Те, кто жил побогаче, могли раз в полмесяца позволить себе яйцо, и это уже считалось роскошной трапезой с «духом скоромного».

Но в этот полдень из кухни четвертого дома семьи Гу поплыл такой густой аромат мяса, что у соседских ребятишек слюнки потекли. Один малец и вовсе закатился в истерику, требуя у матери хоть кусочек.

— Какое тебе мясо! — прикрикнула мать, у которой в закромах и крохи лишней не было. — Будешь реветь — уши тебе откручу, вот их и поджарим на обед!

Мальчишка испуганно прикрыл уши ладошками, но жажда лакомства была сильнее страха. Он замер у самого забора, шмыгая носом и жадно вдыхая дразнящие запахи, доносившиеся со двора Ли Гуйхуа. Его мать, видя такое малодушие, только рукой махнула — ругай не ругай, а мяса в доме всё равно не прибавится.

Вскоре из ворот четвертого дома вышла Жена старшего дяди. Она несла в руках большую грубую чашу, до краев наполненную тушеным мясом с овощами. Соседка, завидев такую щедрость, так и ахнула, округлив глаза:

— Ой, неужто Ли Гуйхуа сегодня в таком добром расположении духа, что целую чашу мяса выделила?

В деревне все знали, что Ли Гуйхуа за медную монету воробья в поле загоняет, а тут — такая гора еды.

Жена старшего дяди, урожденная госпожа Чжу из деревни Шили, лишь усмехнулась:

— Да это четвертый брат настоял, чтобы я долю для матушки взяла. Сказал, почтение выказать надо.

С этими словами она зашагала к себе. Едва женщина переступила порог старого дома, как ей навстречу вышла старая госпожа Гу. Заметив подношение, старуха поджала губы:

— Ты же старшая невестка, пошла помочь по-соседски, зачем же было еду из их дома тащить?

Госпожа Чжу знала характер свекрови: та всегда выделяла младшего сына и теперь переживала, не объест ли невестка четвертый дом, лишив любимчика лишнего куска.

— Да разве ж я просила? — спокойно ответила женщина. — Четвертый брат сам в руки сунул, велел вам передать.

Услышав это, старая госпожа Гу смягчилась, хотя для порядка проворчала:

— Внимательный он, это верно... Живется-то ему сейчас несладко, двое детей на руках, да еще Ли Гуйхуа эта вечно от работы нос воротит.

Собеседница только вздохнула. Обижаться на пристрастия свекрови было бесполезно — за столько лет она привыкла. Если младший сын дарил матери простую иголку, та почитала её за сокровище, а их заботу принимала как должное.

— Матушка, я на кухню поставлю, как захотите — кликните меня, я разогрею, — проговорила невестка.

Старая госпожа согласно кивнула, но тут же добавила:

— Ты так и несла чашу на виду у всей деревни? Хоть бы в корзину спрятала, негоже так перед людьми выставляться, только зависть накликаешь.

— Четвертая невестка сказала, что другой посуды нет, а корзины все заняты, — поспешно объяснила госпожа Чжу, — вот и пришлось нести так.

Она знала: в четвертом доме муж и жена под стать друг другу — один мастер языком чесать, другая прижимистая лентяйка. Стоило Ли Гуйхуа оказать кому-то милость, как она тут же трубила об этом на всю округу. Так почему бы и старшей ветви не показать, что они получили свою долю? Пусть у Ли Гуйхуа сердце кровью обливается от жадности, а сын родную мать почтил — это святое. К тому же их семья ничем не была обязана мачехе Гу Чжао.

Старая госпожа Гу, проглотив недовольство, помрачнела и буркнула: «Скупердяйка», — имея в виду невестку, но тут же смягчила тон, обращаясь к госпоже Чжу:

— Раньше, когда мы все вместе жили и отец жив был, я, может, и выделяла твоего четвертого деверя чуть больше. Так ведь он и телом был слабее всех, и возрастом младше. В поле-то все работали, кто посильнее — тот за слабого и впрягался, так заведено было.

Она сделала паузу, словно оправдываясь за прошлое.

— Ты вот всё помнишь, что Чжао-эра учиться отдали. Так ведь тогда и времена были получше, и возраст у детей подходящий. Из всех внуков только Те-ва и Чжао-эр ровесниками были, их вместе к учителю и отвели. А чем дело кончилось? Те-ва сам через пару дней взвыл, что учиться не хочет, как его ни пороли — ни в какую...

Старая госпожа теперь жила в семье старшего сына и понимала: как бы она ни любила младшего, обижать тех, кто её кормит, нельзя. Вот и решила прояснить старые обиды. У невестки было четверо детей, и когда они подрастали, семья едва сводила концы с концами, а когда деньги появились — время для учебы уже ушло.

— На ту учебу не так уж много зерна и уходило, — старуха отряхнула пыль с рук. — Я Чжао-эра жалела, он ведь матушку рано потерял, вот и опекала. Теперь-то он в семье Ли, от четвертого дома ему и черепицы не достанется. У Ли Гуйхуа кругозор узкий, всё боится, что он её сыновей объест, а того не понимает, что у Ли Чжоучжоу родня в окружном городе. Кто знает, может, еще придется к ним на поклон идти?

Последние слова предназначались Ли Гуйхуа, но служили и уроком для невестки. Раздел имущества разделом, а кровные узы не разорвешь. Если жить в ладу, то и в трудную минуту братья подставят плечо, а не как Ли Гуйхуа — со всеми переругалась.

Госпожа Чжу согласилась с доводами, но всё же заметила:

— Ваша правда, матушка. Только сдается мне, Чжао-эр теперь нечастым гостем в нашем доме будет.

— Это еще почему? Неужто Ли Гуйхуа наговорила ему гадостей каких? — всполошилась старуха. Хоть внук и ушел в другую семью, до двенадцати лет он рос на её глазах, и любила она его искренне.

Жена старшего дяди без утайки выложила всё, что видела:

— Мачеха тут ни при чем. Это отец Гу совсем почернел от злости.

Она в красках описала недавние события:

— Как только чайник закипел, Чжао'эр первым делом Ли Чжоучжоу чашку налил, всё по этикету. У четвертого деверя аж в глазах потемнело от такой наглости, а Чжао'эр только улыбнулся и выдал: «Раз я вышел замуж, значит, должен во всём слушаться мужа». У меня у самой аж сердце екнуло, я на кухню сбежала.

Женщина продолжала:

— А пока обед готовился, Ли Чжоучжоу в комнате с отцом сидел как барин, а Чжао'эр вокруг него так и вился. То семечки ему поднесет, то арахис, сам очистит и в руку вложит. А как тот поесть изволил — Чжао'эр полотенце схватил, руки ему вытирать принялся. У отца лицо было — краше в гроб кладут.

Никогда еще старшая невестка не видела, чтобы мужчина при людях так за своим гэ'эром

ухаживал.

Старая госпожа Гу понимала своего сына: тот всегда кичился достоинством и сейчас чувствовал себя опозоренным. Но она и представить не могла, что Чжао-эру в доме Ли приходится так прислуживать. Сердце её сжалось от боли, и она принялась костить Ли Гуйхуа за то, что та ради восемнадцати лянов продала парня. Уж больно горька доля мужа-приемыша.

А в доме отца Гу тем временем закончили трапезу. Гу Чжао налил теплой воды, подал Чжоучжоу и заботливо спросил мачеху, не нужно ли помочь с уборкой. Ли Гуйхуа, чей нрав испортился еще с того момента, как пришлось звать госпожу Чжу готовить обед, едва сдерживалась. Вид того, как невестка уносит целую миску мяса, а пасынок требует для своего гэ'эра то семечки, то сладости, доконал её окончательно.

Она была готова зубы в крошку стереть от злости. Те-дань и Хэ-тоу, напротив, были в восторге от невестки Чжу, ведь та угостила их леденцами. Дети с удовольствием сосали конфеты, даже не подозревая, какая буря бушует в душе их матери.

— Негоже гостям посуду мыть! — рявкнула хозяйка дома на Гу Чжао, а затем сорвалась на старшего сына: — Те-дань, чего замер? Поел — прибирай за собой, дармоед!

Мальчишка послушно поплелся мыть чашки.

— Матушка, я гляжу, вы в тягости совсем вспльчивой стали, это ребенку не на пользу, — елеинным голосом заметил Гу Чжао. — Чжоучжоу ведь принес сладостей, может, съедите кусочек...

Ли Гуйхуа даже договорить ему не дала.

— Всё со мной ладно! Пойду на кухню гляну! — Она буквально вылетела из комнаты, боясь, что пасынок и до её заветного сахара доберется. Сначала мясо, потом сладости — нет, с неё хватит!

Отец Гу, наевшись досыта, но сохранив на лице выражение крайней степени недовольства, процедил сквозь зубы:

— Поели — и будет. Возвращайтесь к себе, незачем тут без дела околачиваться.

— Как же так, отец? — картинно огорчился Гу Чжао. — Ведь приличия требуют...

— Ты теперь человек семьи Ли, — отрезал отец. — У меня в доме свои наследники растут, тебе тут выгадывать нечего.

Юноша со слезами на глазах — впрочем, весьма сомнительными — пообещал, что без крайней нужды беспокоить родителей не станет. Ли Гуйхуа наконец-то вздохнула с облегчением, провожая незваных гостей до ворот. На прощание Гу Чжао ловко сорвал горсть фиников с дерева в саду.

— Какие сладкие! Чжоучжоу очень их любит. Матушка ведь не пожалеет для него пары ягод?
— спросил он, улыбаясь.

Соседи, припавшие к забору, ловили каждое слово.

«Надо же, Ли Чжоучжоу принес такие богатые дары, а она из-за горсти фиников готова удавиться? — перешептывались люди. — Ну и жадина!»

Понимая, что сплетни поползут по всей деревне, Ли Гуйхуа выдавила улыбку:

— Ешьте-ешьте, коли нравится — берите больше.

— Ну что вы, матушка, много нам не надо.

Для стороннего наблюдателя всё выглядело однозначно: ученый Гу, став мужем-приемышем, совсем потерял в доме голос. Принес дорогие подарки, а уходя, даже финик без разрешения взять не смел. Какая жалость! Восемнадцать лянов осели в карманах мачехи, а он теперь за каждую ягодку должен ей в ноги кланяться.

Когда Гу Чжао и Ли Чжоучжоу вышли из деревни Дунпин, деревенские кумушки провожали их взглядами, полными искреннего сострадания.

Тропинка между полями была тихой и живописной.

— Муж, ты ведь нарочно поддразнивал отца и мачеху? — негромко спросил Ли Чжоучжоу.

Гу Чжао согласно хмыкнул, а затем с преувеличенно жалобным видом заглянул в глаза супругу:

— Чжоучжоу, ты ведь не сердись на меня за это?

— Вовсе нет, — поспешно ответил юноша. Глупо было бы злиться из-за таких пустяков. — Но скажи... они и вправду плохо с тобой обходились?

Чжоучжоу с детства рос без папы и знал, что такое обиды, которые приходится глотать в одиночку. Думая о том, что мужу пришлось расти под крылом такой мачехи, он почувствовал,

как сердце сжимается от жалости.

— Да не сказать чтобы плохо, — Гу Чжао вытер финик и поднес к губам супруга. Его артистичная меланхолия мгновенно испарилась, уступив место искренности. — Я ведь с детства в старом доме жил, у дедушки с бабушкой. Они меня среди всех внуков больше всех выделяли — я и лицом удался, и слово ласковое всегда находил. После того как моей матушки не стало, бабушка мне даже яйца в сахаре тайком давала.

Сладкие яйца были редкостью — обычно их готовили только для детей или рожениц, да и то делили на всех. А Гу Чжао всегда умел вызвать жалость и расположить к себе старших.

— Лет до тринадцати я и плуга-то не касался. Всю работу — траву свиньям накосить, птицу накормить, одежду постирать — делали тетушки да старшие сестры. Я утром к учителю шел, а после обеда за книжками сидел, и бабушка строго-настрога запрещала меня тревожить. А когда дом делили и стройка началась, я под предлогом учебы еще почти год в старом доме прогостил.

Гу Чжао понимал, каким хитрецом был прежний хозяин этого тела. В новом доме работы было непочатый край, а у старшего дяди — всё готовое, и руки марать не надо.

— А как вернулся к отцу, так мачеха хоть и ворчала, но дело свое делала. Знала: стоит ей голос на меня повысить, я тут же к бабушке с жалобой побегу.

Так что на самом деле женщина его не особо притесняла. Чжоучжоу искренне удивился:

— Но тогда почему ты сегодня так себя вел?

— Почему я решил довести их до белого каления? — подхватил Гу Чжао. Улыбка на его лице осталась, но в глубине глаз промелькнула холодная решимость. — Потому что она хотела заставить работать тебя.

Чжоучжоу даже замер на месте. Финик был сладким, он машинально посасывал косточку, пытаясь осознать услышанное.

— Но ведь... — пробормотал он, — обед сварить или одежду постирать — дело нехитрое, я к этому привык. Она всё-таки старшая, да и тебя не обижала... ничего страшного бы не случилось.

Он понимал, что муж защищает его, и этого было достаточно, чтобы на душе стало тепло.

— Осторожнее, косточку не проглоти, — предостерег его Гу Чжао. Дождавшись, пока муж выплюнет косточку, он продолжил: — Ты мачеху мою не знаешь. Я-то зубастый, меня просто так не согнешь, а ты... Если бы я сегодня не поставил её на место, завтра бы ты безропотно

стирал её белье, а она бы за твоей спиной над тобой же и потешалась, называя дурачком.

В своей прошлой жизни — той, что осталась в памяти как прочитанный сюжет — Гу Чжао видел, как это бывает. Прежний Гу Чжао, такой же самолюбивый, как его отец, стыдился положения приемыша и пытался отыграться на Чжоучжоу, помыкая им при каждом удобном случае, чтобы показать: «Пусть я и вошел в дом Ли, но я здесь хозяин».

А Ли Гуйхуа тогда и вовсе обнаглела. Когда зимой она родила, никто из её родни помогать не пришел, и она заставила Чжоучжоу в лютый мороз бегать в соседнюю деревню еще до рассвета, чтобы он ей прислуживал. И даже куском хлеба не покормила. Десять пальцев Чжоучжоу тогда покрылись кровавыми трещинами от ледяной воды и тяжелой работы, а мачеха только и знала, что попрекать его в неуклюжести.

От этих мыслей у Гу Чжао защемило сердце. Он искренне ненавидел себя прежнего за такую жестокость. Хорошо, что теперь он здесь и не допустит повторения тех бед.

— Чжоучжоу, — Гу Чжао взял мужа за руку, переплетая их пальцы и нежно поглаживая загрубевшую кожу на его ладони, — если кто тебя обидит или заставит делать то, что не по душе — сразу мне говори.

Ли Чжоучжоу почувствовал, как ладонь мужа ласково касается его мозолей. Ему было немного неловко, но он не отнял руки, позволяя супругу проявлять нежность. На сердце у него было слаще, чем от любого финика. Он и представить не мог, что муж из-за такой мелочи, как домашняя работа, рискнет рассориться с собственным отцом. Хотел было сказать, что труд ему не в тягость, но промолчал — не стоило отвергать заботу, ведь это было бы неблагодарностью.

— Я понял тебя, муж, — серьезно ответил он.

Они неспешно возвращались в Сипин, деля оставшиеся финики и наслаждаясь обществом друг друга. Путь, который обычно занимал совсем немного времени, растянулся на целый час.

— Что это вы так рано? — спросила тетушка Ван, завидев их у ворот. — Неужто не погостили как следует?

Чжоучжоу вежливо поклонился:

— Мы пообедали, но у тестя с тещей дела нашлись, не стали их стеснять.

Тетушка Ван так и замерла с открытым ртом. Виданое ли дело — Ли Чжоучжоу называет родителей Гу Чжао тестем и тещей? И Гу Чжао при этом и бровью не ведет, терпит такое? Она украдкой глянула на парня. Тот лишь лучезарно улыбнулся:

— Здравствуйте, тетушка.

Похоже, его это ни капли не задевало. Соседка только головой покачала от удивления. Едва они вошли в дом, Чжоучжоу шепотом повинулся:

— Муж, прости, у меня язык сорвался. Я не хотел называть их тестем и тётшей при соседях... просто ты всё время говорил «мачеха» да «отец», вот я и запутался.

Он вспомнил, как Гу Чжао сам велел ему называть мать тётшей, и слова сами вылетели. Да и про отца как-то само собой получилось. Впрочем, глинобитные стены — плохая преграда для звука.

Гу Чжао нарочно громко произнес:

— Я вошел в твою семью, теперь я — человек рода Ли. Так что называть моих родителей родней со стороны жены — совершенно правильно и по закону. Никто и слова против не скажет. К тому же отец и матушка сами признали это и велели мне во всём тебе угождать.

— Муж! — вспыхнул Чжоучжоу, заливаясь краской до самых корней волос.

«Во всём угождать» — это же слова для жен!

— Ладно-ладно, не буду, — Гу Чжао понизил голос, заметив тестя.

Ли Да, услышав шум, вышел во двор и замер, услышав, как его сын величает сватов. Он был в полном замешательстве: хоть он и брал зятя в дом, но не ожидал, что Гу Чжао окажется настолько преданным, что напрочь забудет о мужском достоинстве. Впрочем, если говорить честно, для семьи Ли это было только к лучшему.

— Вернулись? — Ли Да кашлянул, пытаясь скрыть неловкость. — Ну, отдохайте тогда.

— Хорошо, отец, — ответил Гу Чжао и отправился в комнату. Пока солнце не село, он хотел еще часок посидеть за книгами.

Чжоучжоу сходил на задний двор проверить поросят, забрал пару яиц из курятника, и только тогда краска сошла с его лица. Вспомнив слова отца и сегодняшнюю защиту мужа, он внимательно оглядел кур.

«Вот эта, — решил он, — в последнее время плохо несется. Завтра же её и зарезу — надо мужу силы восстанавливать».

— Сама слышала, своими ушами! Чжоучжоу в доме Гу их тестем и тещей звал!

— А Гу Чжао поддакивал, мол, родители сами так велели, и наказали ему за Чжоучжоу ухаживать!

Тетушка Ван вдохновенно пересказывала услышанное. Соседки слушали, кто-то скептически поджимал губы, кто-то хихикал, но разговор завязался жаркий.

— Кто бы мог подумать, что Чжоучжоу так своего добьется! Раньше-то и не скажешь было.

— Видать, восемнадцать лянов не зря потрачены. Кабы все зятя такими были, Ли Да и в старости горя знать не будет. Гу Чжао-то его не обидит.

— Да он парень смирный, и собой хорош, и Чжоучжоу слушается. Повезло же им с зятем! — Одна из женщин подняла большой палец вверх.

Раньше вся деревня смеялась над Ли Чжоучжоу: мол, даже за деньги нормального мужа не найдет. А когда Гу Чжао появился, шептались, что он и в округе-то провалился от позора, и телом слаб — мол, погодите, вот умрет Ли Да, так Гу Чжао всё добро Ли в свою семью и перетащит. Ведь в приемьши часто идут те, кто втайне надеется прибрать к рукам чужое наследство. Но когда Гу Чжао во всеуслышание объявил себя человеком семьи Ли, а Чжоучжоу назвал его родителей тещей и тестем — и те это приняли, — стало ясно: парень не шутит. Он действительно отрезал себя от родного дома.

— Хоть он и худощав, так ведь молод еще, окрепнет со временем. А с такой поддержкой, как у Чжоучжоу, они быстро на ноги встанут.

— Да и заботливый он какой! Видели, как он на Чжоучжоу смотрит? На днях вон руки ему грел у колодца.

Деревенские жители весело обсуждали новости, и в их смехе не было злобы. Лишь Тётушка Чжан из соседнего дома недовольно поджала губы. Как это Ли Чжоучжоу так повезло? Неужто Гу Чжао и впрямь такой простак?

«Тьфу, — подумала она. — Посмотрим еще. Будет Ли Чжоучжоу еще слезы лить, помяните мое слово»